

ИБУК "Сыктывдинский ЦБС"

Таисия Сукгоева

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Таисия Сукгоева

Возвращение на круги своя

Рассказы

2022

УДК 82-3
ББК 84-4
С89

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Сукгоева Таисия

С89 Возвращение на круги своя : Рассказы / Таисия Сукгоева. —
[б. м.] : [б. и.], 2022. — 50 с.
[б. н.]

События, описанные в рассказах, относятся к 50—60 годам XX века. Почти все произведения объединены одной темой — темой взаимоотношения взрослых и детей. Исключение составляет рассказ «Васька», в котором повествуется о судьбе кота, о его отношении к людям к своим собратям.

Героиней некоторых рассказов является бабушка Фрося. Её жизнь неразрывно связана с внуками и с соседскими детьми, которым она отдаёт тепло и ласку своей души.

Все рассказы, вошедшие в сборник, являются произведениями, в которых художественный вымысел переплетается с реальностью. Любые совпадения случайны.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

12+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Таисия Сукгоева, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Возвращение на круги своя	5
Васька	16
Конёк-горбунок	22
Бабушкины истории	30
Куда подевались черти	31
История о лесном человеке	37
Алёшкино счастье (сказка)	42

МБУК "Сыктывдинская ЦБС"

МБУК "Сыктывдинская ЦБС"

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Анфиса не любила ребёнка, которого носила уже около трёх недель под сердцем. Не любила — мягко сказано — она его ненавидела. Оставшись одна, она каталась по полу и вышла, как раненая волчица. Иногда на неё находило: она готова была вспороть свой живот и выкинуть вон ненавистное дитя. Помутнение проходило. «Оно не виновато, не виновато. Прости меня, Господи, прости», — твердила она, и слёзы градом лились из её покрасневших глаз.

Узнав о своей беременности, она сразу же побежала к повитухе, которая после войны подпольно помогала многим женщинам, попавшим в затруднительное положение. Узнав, в чём проблема, повитуха отказала Анфисе. Мало того, она ещё отругала её: «Избавиться от первенца замужней женщине — большой грех. А вдруг у вас со Степаном больше не будет детей? Ты об этом подумала? Да твой Степан, узнав о ребёнке, на руках будет тебя носить. Войну мужик прошёл, такое лихолетье преодолел, а она решила избавиться от ребёнка. Вон отсюда, одумайся!» — и она, вытолкав Анфису за порог, захлопнула за ней дверь. «Никак от другого понесла? Вон сколько вербованных да власовцев в лесопункте. Нет, Степана все уважают — не посмели бы тронуть его же-ну. А кто знает...» — размышляла повитуха, оставшись одна. Много тайн узнала она за время своей подпольной деятельности, но ни об одной из них ни с кем не поделилась, никому не рассказала — жалела бедняжек, не хотела портить им жизнь и о себе думала: если бы узнали власти, чем она занимается, посадили бы.

Анфиса от своего замысла не отказалась. Она в нерабочее время, нанявшись грузчицей, выгружала и переносила на склад шестидесятикилограммовые мешки. Узнав об этом, Степан укорил её: «Не знал я, Анфиса, что ты такая жадная до денег. Тебе нашей зарплаты не хватает или я тебя плохо одеваю? Прекрати таскать мешки на себе!».

Это была их первая размолвка. Анфиса любила своего Степана. Едва она замечала где-нибудь мужа, как её душа устремлялась ему навстречу и обволакивала его своей любовью. «Степанушка, как я тебя люблю!» — в порыве страсти часто шептала она в ночной тишине. А сейчас, глядя в спину удаляющегося мужа, она почувствовала, что её душа не встrepенулась, не помчалась вслед за ним.

Носить мешки Анфиса прекратила, но были и другие способы, к которым она прибегала. Сославшись на цистит, сидела часами в горячей воде с горчицей, в бане парилась до одурения. Она была упрямой, но, оказывается, ещё не родившийся ребёнок был упрямее и никак не хотел покинуть её чрево. Пришлось ей немного успокоиться и признаться мужу, что она ждёт ребёнка. Степан очень обрадовался. Можно сказать, что он был на седьмом небе от радости. Одевшись, он куда-то исчез, но через двадцать минут вновь появился. В руках он держал плюшевую жакетку, которая только что входила в моду. «Ты, Анфисочка, будешь самая модная беременная девушка», — накинув на её плечи жакет, сказал Степан.

Анфиса не могла и не хотела жить в посёлке, и она стала упрашивать мужа переехать в совхоз, где жила его мать. Муж подумал и согласился: ему всегда хотелось быть поближе к матери. Им в совхозе в двухэтажном доме выделили на первом этаже небольшую квартирку. Анфиса вскоре близко сошлась с цыганкой Розой и её дочерью Азой, которые жили на втором этаже. Мирон, муж Азы, работал в совхозной кузнице. Роза с дочкой ходили по домам, гадали доверчивым женщинам, иногда воровали кур. Дочка Розы тоже ждала ребёнка. Молодые мамочки часами обсуждали свои проблемы, хотя радости на их лицах Роза не видела. Она брала карты в руки и начинала гадать. Выходило, что Анфиса и Аза породнятся. Но как? У обеих женщин животы были круглыми, и обе ждали девочек.

Анфиса в последнее время в библиотеку, где она работала, не ходила. Её заменял Степан. Анфиса замечала, что он иногда в библиотеке задерживался допоздна, но её это уже не волновало. Другие мысли роились в её голове. Когда пришло время рожать, она не пошла в больницу. Проводив мужа на работу, она почувствовала боль внизу живота, согрела воду, приготовила пелёнки и стала ждать схваток. Воды уже отошли. Схватки набегали волной. Боль, казалось, пронизывала всё тело, но она, прикусив губы, терпела и не произносила ни одного звука. Даже тогда, когда ребёнок полез из чрева и ей захотелось от нестерпимой боли закричать по-животному, она лишь закрыла глаза и ещё сильнее прикусила губу, из которой полилась кровь.

Роза вошла очень тихо. Она увидела окровавленное тельце ребёнка, быстро сбегала на кухню, нашла нож и перерезала пуповину. Новорождённый был фиолетового цвета и не кричал. Тогда Роза взяла малыша за ножки, опустила вниз головой и звонко шлёпнула его по попе. Раздался крик, который возвестил о том, что на свет появился новый человек, что он тоже хочет иметь место под солнцем. Положив перепеленатого ребёнка рядом с Анфисой, Роза убежала, но через несколько минут она вбежала со свёртком и положила его на кровать. «Грех на тебе, дочка. Я не хочу знать, от кого ты родила девочку, но, думаю, не от моего зятя: ты была уже на сносях, когда приехала в совхоз... Она у тебя смуглая и черноволосая, а вот эта девочка от твоего Степана. Аза зашла в ваш сарай за курицей, а там на её беду оказался Степан. Между ними это и произошло, что Аза понесла от него ребёнка. Если бы узнал Мирон, он убил бы и свою жену, и твоего Степана. Азина дочка — вылитый Степан. Тебе её воспитывать, а чернушку я забираю. Забудь, что она твоя дочка. Радой её будем звать», — тихо сказала Роза. Она завернула Анфисинного ребёнка в свои пелёнки и исчезла, как будто её и не было.

Степан назвал дочку Василисой. Неимоверное счастье охватило его, когда он впервые взял её на руки и прижал к своей груди. Всё свободное время он проводил с малышкой. Сделал ей деревянную тележку и катал её на ней по всей квартире. Потом появилась деревянная лошадка на колёсиках. Ночами он вскакивал первым и бежал к кроватке. Брал плачущую дочку на руки, укачивал, напевая колыбельную песенку.

Чем больше Степан любил Василису, тем большую неприязнь проявляла к ней Анфиса. Она устроилась на вторую работу, чтоб реже видеть свою дочь. Все заботы о ребёнке взвалила на себя свекровь. Она приходила рано утром, а уходила, когда приходил с работы её сын. Иногда приходила Роза со своей внучкой Радой, и две девочки дружно играли. А свекровь с Розой пили чай и мирно беседовали.

«Вижу, не любит Анфиса свою дочку, не любит, а моя Азочка в своей дочушке души не чает. Бедная Анфиса, бедная», — думала цыганка, глядя на играющих детей. Она знала, в чём причина: Аза рожала в муках, устала и, как только родила, сразу же уснула. Она не знала, что мать во время сна поменяла новорождённых.

Василиса, подрастая, всё больше убеждалась в том, что мать не любит её, и поэтому старалась реже попадаться ей на глаза. Но всё равно угрозы, насмешки, укоры от матери приходилось иногда выслушивать: «Не улыбайся — тебе не идёт... Не пой — слушать противно... Какая у тебя фигура нескладная — ни одно платье хорошо не сидит... Опять плохо полы помыла... Что за характер скверный. Не высовывайся — тебя не спрашивают...» Часто Анфиса Василису на несколько дней отправляла в гости то к своей матери в соседнюю деревню, то к крёстной, то к дальней тётке. Причина была одна: мать реже хотела видеть свою дочку. Василиса не перечила, но, оставшись одна, горько плакала. У девочки стали развиваться комплексы, от которых она избавлялась потом в течение многих лет.

Плакала Василиса ещё из-за того, что многое из её одежды и обуви мама отдавала Раде: то красненькие туфельки, то зелёненькое платьице, то носочки с полосками. Когда ей купили коричневые ботиночки, она несколько ночей спала в них, боясь, что их опять отдадут Азиной дочке.

Степан удивлялся:

— Анфисочка, тебя никак сглазили цыгане? Ты ж у меня не такая была!

— Нечего вспоминать цыган: они уже уехали. И между ними и мной ничего нет общего, — отвечала Анфиса.

Отношения между родителями испортились. Из их семьи исчезли теплота и искренность. Мать часто ругалась, обвиняла отца во всевозможных грехах. Чтобы не видеть её, Василиса поступила в педучилище. Отец радовался. По образованию он тоже был учителем, и то, что его дочка решила идти по его стопам, делало его счастливым. По окончании педучилища он сказал: «Поступай, Василиса, в институт — выучу».

Василиса была способной и с лёгкостью поступила в вуз на исторический факультет: она, как и отец, решила стать историком.

В ознаменование этого события Степан привёл её в магазин и предложил выбрать те часы, которые ей понравятся. Вскоре на её руке красовались золотые часики.

— Ох, Степан, балуешь ты свою дочку, сильно балуешь, испортишь.

— С такой матерью не разбалуешься, — подумал он и вспомнил вечно недовольное лицо своей жены.

Василиса, несмотря на строгое воспитание матери, росла общительной, доброй девушкой. Но многие видели, что за её добротой скрывается твёрдость характера и цельность натуры. Она не была красавицей, но отличалась обаятельностью. Если она шла по улице, то многие смотрели ей вслед: у неё была красивая фигурка и лёгкая летящая походка.

Василиса училась хорошо и получала повышенную стипендию, но всё равно денег не хватало, и она подрабатывала распространителем театральных билетов. Войдя в аудиторию, держа веером билеты, она восклицала: «Девочки, налетай, завтра суббота. В театре оперы и балета „Лебединое озеро“. Пошлют вас в какую-нибудь дыру, вы будете с теплотой вспоминать, что ходили на балет. Можете идти всей группой, можете в одиночку сходить, а можете и с кавалером». И девочки поддавались напористости и обаянию Василисы — и билеты раскупались.

Василиса была бы счастливой, если бы не замечала за собой некоторые странности. Например, она очень любила бусы, кольца и серёжки, а также красный цвет в одежде. Не будь она комсомолкой, все «цацки» были бы на ней. Ей нравилась яркая одежда, в которую она могла нарядиться разве только на новогоднюю ёлку. Ещё она по непонятной причине избегала цыган. Увидев кого-нибудь из них, идущих ей навстречу, она переходила на другую сторону улицы.

Однажды Василиса остановилась у киоска, чтобы купить газету, и не заметила, как к ней подошла старая цыганка и стала предлагать погадать по руке. Девушка опешила,

а затем, изменившись в лице, как ей показалось, не своим голосом заговорила:

— Я сама Вам могу погадать. Только моё гадание будет Вам не по нраву. У вас недавно умер зять и оставил Вашу дочку вдовой. Вы остались без кормильца. Вы боитесь нищеты, боитесь умереть под забором. Если сейчас же не отойдёте от меня, так оно и будет.

Увидев, что цыганка уходит, Василиса облегчённо вздохнула, но вдруг та повернулась и спросила её:

— Ты Василиса? Твою мать зовут Анфиса? Скажу тебе, дочка, что ты сильна в своих предсказаниях. Наверно, и на картах умеешь гадать?

— Тётя Роза?! Вы же тётя Роза? Я Вас сразу-то и не признала. Так, значит, вы теперь в городе живёте? Вы почему-то так внезапно уехали. Я до сих пор не знаю, почему. Простите меня, я Вас не хотела обидеть. А дядя Мирон на самом деле умер?

— На той неделе преставился. Счастливым умер — в кругу своей семьи. Почему уехали, тебе не обязательно знать.

— Тётя Роза, а как Рада живёт? Мы с ней как сёстры были.

— Хорошо живёт. Дочка у них с мужем Николаем подрастает. А ты, Василиса, проклятиями не разбрасывайся — сбываются они.

— Тётя Роза, я так её хочу увидеть. Дайте, пожалуйста, её адрес.

— Придёт время — встретитесь, — и с этими словами тётя Роза, не оглядываясь, ушла.

Василиса стояла и думала, почему Роза не хочет, чтобы они с Радой встретились, и как цыганка узнала про карты, которые она любила держать в руках. Нередко девчонки просили её погадать им. Не зная значения карт, Василиса, раскладывая их, могла рассказать каждой, что с ними было, что теперь происходит и что будет. Девчонкам оставалось только удивляться, до того верно она предсказывала. О пло-

хом Василиса умалчивала: не любила она раньше времени огорчать своих подруг...

Прошло около сорока лет. Степан пятнадцать лет тому назад умер. Ему не было ещё и пятидесяти трёх лет. После его смерти Анфиса растерялась. Она теперь тоже иногда вышла, как тогда, когда была беременна Василисой, но не от отчаяния, а от одиночества. Уже давно не было родителей и свекрови, подругами она не обзавелась, так как не хотела делиться теплом своего сердца ни с кем. Свою бывшую подругу Розу она тоже не хотела видеть, так как та владела тайной, которую она давно спрятала в самом укромном уголке своей души и ни с кем не хотела о ней рассуждать. Ночами, страдая от бессонницы, она вздыхала: «Придётся к ненавистой Василисе ехать». Было время, когда она завидовала дочке: удачно вышла замуж, родила двух здоровых сыновей, красавец муж с жены пылинки сдувал, детей правильно воспитывал. Устыдилась своих мыслей лишь тогда, когда зять погиб, спасая ночью из горящего дома спящих людей. «Это я виновата, это я такую судьбу своей дочке уготовила. Степана очень любила, но и он не был со мной счастлив», — думала постаревшая Анфиса, ворочаясь с боку на бок на своей опостылевшей кровати.

Василиса жила в деревне недалеко от города. У неё был огород, небольшой сад и участок земли под картофель. Встретила она свою мать радушно, отвела ей отдельную небольшую комнату, выделила полки в большом шкафу. Спросила, какого распорядка ей придерживаться. Мать сразу заявила, что она не будет варить еду, мыть посуду и подтирать полы. Василису всё устраивало. Она просыпалась полшестого, ставила чай. Если не было пряников или печенья к чаю, пекла блины, иногда оладьи, и они с матерью чаёвничали. В девять ели кашу, которую приходилось разнообразить. К двум часам был готов уже обед. Что приготовить на ужин, приходилось ломать голову, так как

мать не любила, чтоб её кормили тем, что было утром и в обед.

Василиса уже не работала, и всё время посвящала матери. Вскоре она приспособилась, и требования матери не стали её раздражать. Отдыхала она, когда мать находилась в городском госпитале. Через некоторое время они притёрлись друг к другу, и потекла размеренная спокойная жизнь.

Иногда приезжали в гости к Василисе сыновья с дочками — с кареглазой Аделей и сероглазой Марией. Девочки были ровесницами — обеим шёл пятый год. Мария, не успев раздеться, бежала к прабабушке Анфисе, здоровалась и быстро спрашивала:

— Вяжешь? Ты колбаску вяжешь, да?

— Нет. Змейку.

— Фу, бабушка, мне не нравится, что она тёмная. А ты мне прихватку свяжешь? Змейка будет оранжевая с белыми полосками, а травка зелёненькая. Вот я клубочки в кучку сложу, — быстро говорила правнучка Мария, складывая перед Анфисой нитки. — Красивая будет змейка — светленькая.

Мария, как и бабушка Василиса, любила всё яркое.

Анфиса к Марии привязалась. Она беспокоилась, когда её долго не привозили в гости. К черноволосой и смуглой Адели она была равнодушна. Девочка тоже к ней не тянулась.

Однажды Василиса проснулась очень рано: надо было начинать окучивать картошку. Поставив чайник на газ, вышла на крылечко. Утро было чудесное. По небу плыли перистые облака. В зарослях смородины и малины начали петь пичужки. Одинокие пчёлы уже перелетали с цветка на цветок. На кухне засвистел чайник. Василиса заварила свежий чай и заглянула к матери.

Мать уже не спала. Она, как всегда, вязала. «Мама, пойдём пить чай», — позвала её дочка. Почаёвничали. Мама

выпила лекарство и опять вернулась к своей работе, а Василиса начала окучивать картошку. Картофельные кусты были крепкими, тугими. Василису это радовало.

Солнце поднималось всё выше и выше. Откуда-то появились комары, и воздух наполнился их писком. «Пора варить кашу. Расписание нельзя нарушать», — подумала Василиса и направилась к дому.

Полчаса у Василисы ушло на приготовление завтрака. Она уже направилась к матери, но её отвлек скрип калитки. Выглянув в окно, увидела старого высокого мужчину и немолодую женщину, которые шли к их дому. Василиса вышла на крыльцо.

— Вы будете Василиса? — спросил старик.

— Я. Вы по делу пришли? Что-то я вас не узнаю.

— Рада я, дочка Азы. Видно, я очень изменилась. А это мой отец Григорий Грач.

— Как отец? Рада, разве твоего отца звали не Мироном? Да ладно, разберёмся — проходите в дом. Не дело у порога разговоры вести.

Уже в прихожей Василиса обняла Раду и посмотрела внимательно на старика. До чего же Рада была похожа на него!

На шум в прихожую вошла мать и поздоровалась с гостями. Вглядевшись в мужчину, она побледнела и стала валиться на пол. Григорий её удержал от падения около самого пола. Василиса быстро принесла нашатырный спирт, который был у неё всегда под рукой, и дала его понюхать матери. Та открыла глаза, медленно встала и разразилась такой руганью, какой дочка уже давно от неё не слышала. Василиса и Рада дали ей выговориться и узнали, что Григорий — изверг, что он испортил всю её жизнь, испоганил её душу и тело, уничтожил её любовь к Степану.

— Я тебя ненавижу. Я ненавидела твою дочку, которую носила под сердцем, и поэтому позволила Розе её обменять

на ребёнка Азы, которого она родила от моего Степана, — говорила, задыхаясь, мать.

Когда она сделала передышку, Григорий взволнованно заговорил:

— Я тебя любил. Если бы ты знала, как я тебя любил! Может, поэтому я до сих пор не женат. В тот вечер я тебя под мостом ждал: знал, что ты с работы без Степана пойдёшь; дождался, хотел в любви признаться, а ты же сходу обрушила на меня такой град упреков, что не выдержал я, подмял тебя под себя, всю свою мужскую силу, всю свою любовь вложил я в этот порыв. Потом, когда я увидел дочку на руках Степана, удивился тому, что она, как две капли воды, была похожа не на меня, а на него, своего отца...

— Хватит, хватит, проходите в зал. Мама, тебе надо отдохнуть — иди полежи, сейчас я тебе валерьяночки накапаю, потом поговорим, — с этими словами Василиса увела мать в её комнату.

Все долго не могли успокоиться. Василиса дрожащей рукой накапала в стакан валерьянки, выпила сначала сама, потом напоила мать и Григория, который тоже был расстроен этой встречей.

— Что же выходит, Рада? Я дочка Азы и своего отца, а ты дочка моей матери и Грача. С ума сойти. Выходит, мы с тобой сёстры! Я об этом потом подумаю, а сейчас все за стол. Мама, иди завтракать, — говорила Василиса, раскладывая еду на столе.

— Я после покушаю, — слабым голосом произнесла мать.

— Хорошо, мамочка, потом так потом.

После завтрака Григорий засобиравшись домой. Василиса его проводила до калитки. Прощаясь, спросила, давно ли он узнал о Раде.

— Роза незадолго перед смертью приходила, покаялась. Так я и встретился со своей дочкой.

Рада осталась на неделю. Она подолгу разговаривала со своей матерью и уговорила её съездить к ним в гости. Мать согласилась.

Оставшись одна, Василиса вспоминала своё детство. К покойному отцу она испытывала любовь и благодарность, а мать старалась понять и простить. Однажды, прервав свои размышления о прошлом, Василиса облегчённо вздохнула и произнесла: «Да, мудрая штука — жизнь: всё расставила по своим местам».

ноябрь 2021 год.

ВАСЬКА

*Посвящается светлой памяти деда
Григория Андреевича и бабушки Ефросины
Никифоровны Кассиных
и всем жителям деревни Русская Слобода,
которой уже нет.*

Кот Васька сквозь сон слышал, что баба Фрося, шаркая валенками, уже спускается с русской печки, на которой она в последнее время спала. Он знал, что она сейчас зажжёт старинный фонарь, похожий на стеклянный домик, и начнёт растапливать русскую печку.

Васька открыл глаза. В небольшие окна заглядывала предрассветная ночь. Звёзды кое-где уже еле-еле мерцали, но месяц был ясный, светлый. Кот удивился: баба Фрося никогда так рано ещё не вставала. Он спрыгнул с полатей и, мурлыча, стал тереться о валенки своей хозяйки.

— Что, Васенька, кушать захотел? Нету парного молочка, нету, мой хороший. Продали мы с дедом нашу кормилицу Ночку. Вот уж три года как прошло — и у соседей не попросишь: разъехались кто куда. Да и мы после обеда тронемся. Последний раз нашу матушку печку топлю, — и баба Фрося потянула подол своего фартука к глазам.

— Вот закудахтала старая. Чай не на край света поедem, а к дочке. Правда, гонор-то припрятать придётся, — вставая

с кровати, глухо произнёс дед Григорий. Он засветил в комнате под потолком керосиновую лампу и, взяв фонарь, пошёл в чулан. Васька за ним.

Ох, как нравился Ваське этот чулан! В нём на полках в берестяных туюсках и в бураках всегда было много разной крупы, а в ларе — муки. Мыши знали об этом, но Васька всегда был начеку, и неудачливые из них оказывались в его острых когтях.

Кот по запаху определил, что дед приходил в чулан за рыбой, и поспешил в избу. Мелкую рыбёшку он съел вчера, когда дед пришёл с рыбалки. Рыба ещё трепыхалась, подпрыгивала, и Васька вволю наигрался с ней. Теперь же ему достался крупный кусок. Не торопясь, он съел его и стал проситься на улицу.

На улице было свежо. Земля утопала в снегу. Васька поёжился: он не любил снег, так как с ним приходил холод, и мыши прятались в норки до прихода тепла. Кот уже не удивлялся тому, что от их деревушки осталось лишь два дома: их и на конце деревни — дом Сусловых, из которого на днях съехали хозяева.

Васька вначале хотел было сбегать туда. Он ещё недавно встречался с живущей там Буськой, серой, как мышка, молоденькой озорной кошечкой, которую любил всем сердцем

и по которой сильно тосковал. Но вчера вечером, облизав все углы опустевшего дома, призывно зовя свою подружку, он понял, что её нигде нет. «Может, она убежала в лес поохотиться? Ладно, загляну к ней попозже», — подумал Васька и направился в противоположную сторону — к развалинам домика Ольги Васихи. Раньше, когда дом ещё стоял и в нём кипела жизнь, он часто приходил сюда. Его даже не мог остановить зловредный рыжий петух, который зорко охранял около тридцати кур. Бывало, завидев Ваську, петух с криком, распушив огненный хвост, мчался за ним. Кот быстро пробежал двор и влетал в подпольный лаз. Петух долго бурчал, выражая недовольство, но Васька был уже в безопасности.

Кот знал, что Ольга Васиха всегда была рада его приходу. Она разбивала в плошку несколько яиц, а иногда угощала и курятиной. Васька очень любил и яйца, и курятину, но за свою семилетнюю жизнь понял, что ни цыплят, ни кур и даже яйца трогать нельзя, хотя воробьёв, синиц, кукушек можно ловить сколько душе угодно. В благодарность за угощение он оставлял у порога доброй старушки мышек, кротов, лягушек. А однажды около курятника поймал длиннотелую молодую ласку, за что Ольга Васиха угостила его куриными потрохами, от которых он никогда не отказывался.

От усадьбы Ольги Васихи осталась лишь изгородь да кое-где торчали старые доски, присыпанные снегом. Жилой запах давно выветрился, даже не пахло куриным помётом. Васька посидел возле изгороди. Как бы ему хотелось сейчас увидеть Ольгу Васишу, ощутить на своей голове её ласковую ладонь, которая оглаживала его от ушей до самого кончика хвоста. Больше никто Ваську так не гладил.

Прогнав наваждение, кот побежал к тому месту, где год тому назад стоял дом Алёны и Ивана Акимыча. К Алёне он ласкался так же, как и к бабе Фросе. Она гладила его по полосатой серо-чёрной спине и приговаривала: «Что же моя

Мурка всегда приносит то рыжих, то чёрных котят, редко таких, как ты? Плохой ты кавалер». Ухоженная, беленькая, как сметанка, Мурка Ваське очень нравилась. Когда приходила пора жениховства, он отчаянно дрался со всеми ухажёрами Мурки, отстаивая на неё свои права. От него доставалось и рыжему Проне, и чёрному Марсику.

Васька тяжело вздохнул и пустился в обратный путь. Пробегая мимо заснеженного пустыря, он вспомнил, как несколько лет тому назад в начале зимы приехал трактор с двумя санями и рослые мужики стали разбирать большой двухэтажный красивый дом, который стоял на этом месте. Дед Никифор, живущий в нём, суеился среди них, пытаясь командовать, и в его голосе звучали слёзы. Ваське при этом воспоминании стало очень грустно. Он тогда уже знал, что соседней избы не будет, как не будет его главного соперника Прони, живущего в ней, как не стало в своё время Мурки и Марсика.

Васька посмотрел в сторону дома Суловых. Ему было жаль, но желание увидеть Буську было так велико, что он побежал вскачь на другой конец бывшей деревни. Мимоходом он отмечал, что тут стоял дом Бочкарёвых, тут дом Левановых, а перед домом Суловых — изба Бакулиных. Нигде

не лаяли собаки и коты не поднимали хвосты, принимая воинственную позу, нигде не скрипели калитки и не слышно было ни одного голоса. Казалось, что когда-то кипевшая здесь жизнь остановилась. Васькина душа сжалась от боли. Своё горе он выразил громким, протяжным криком, тем криком, которым он отпугивал в своё время своих соперников.

Пробежав заснеженную улицу, прежде чем залезть в подпольное окошко, Васька опять замяукал, но уже призывно, нежно — Буська не отозвалась. Пробравшись в избу, он закричал громче, но не услышал ответного мяуканья. Кот не мог поверить, что Буська его оставила, что она исчезнет из его жизни, как Мурка, Марсик или как противный Проня. Он подумал, что, вероятно, Буська ждёт его в дедушкином доме, а он тут прохлаждается, и Васька опрометью бросился назад.

Когда-то их дом был огромным. Под общей крышей стояли две избы и хозяйственные помещения: хлева, клетки, дровяники, погреба, даже колодец. Жили в них два брата — Степан и Григорий — со своими семьями. Но общей крыши уже не было, как и не было соседней избы.

Дом деда Григория и кое-какие пристройки ещё остались, но бывшая обустроенность исчезла. Ваське стало неудобно, одиноко и холодно.

Он, быстро заглянув в клеть, затем в погреб и в дровяник, побегал в коровник. Буськи нигде не было.

Он замёрз и, прекратив поиски, попросился в избу. Зайдя в тепло, он понял, что Баба Фрося и дед Григорий давно позавтракали, даже самовар перестал петь свои тихие песни, под которые Васька, растянувшись на теплых кирпичах, любил дремать. В его чашке было немного ухи с кусками варёной рыбы. Поев, он осмотрелся: комната странно опустела — на кроватях не было ни подушек, ни одеял, ни матрацев. Дедушка убирал самовар. Деревянный ящик с посудой уже стоял вместе с двумя большими узлами около порога. Икон в переднем углу тоже не было.

В маленьком сердечке кота Васьки зародилось нехорошее предчувствие. Расстроенный, он залез, недоумевая, на полати, долго ворочался и незаметно для себя заснул. Проснулся он от скрипа полозьев и негромкого ржания лошади. Через некоторое время в избу вошёл Иван, который часто навещал их. Приходил он пешком и с ружьём за плечами, приносил хлеб, песок, крупу и колбасу. Сейчас он был без ружья и без рюкзака. В голосе Ивана что-то насторожило кота, и он спрятался под лавку.

Баба Фрося и дед Григорий неспешно начали одеваться, а Иван унёс узлы. Ваську посадили в корзину, которую обвязали большим клетчатым платком. В ней коту сидеть не понравилось, и он стал проситься наружу. Дед цыкнул на него, взял корзину в руки и застыл у порога. Баба Фрося негромко сказала: «Иди уж, Григорий Андреевич, иди, а я попрощаюсь с избой».

Васька не слышал, как баба Фрося, оглаживая натруженной рукой печь, стол, лавки, горько плакала. Он не видел, как она, поклонившись у порога в пояс, вытерла концом шали насухо лицо и тихо закрыла за собой дверь.

Васька метался в тесной корзине и думал: «Я же Буську не видел! Вдруг она придёт, а меня не будет!» Протяжно и жалобно мяукнув, он рванул когтями клетчатый платок и выпрыгнул в образовавшуюся дыру.

Не оглядываясь, кот бросился к дому. Он долго слышал голос бабы Фроси, которая с громким плачем звала его:

— Васька, Васенька, куда же ты? Сгинешь!..

А Васька всё бежал и бежал. Он не мог оставить Буську, а также дом, куда маленьким полосатым котёнком принесла его девочка Валька, любимая внучка деда Григория и бабы Фроси. Он вспомнил, как бегал за ней по всей избе, пытаясь поймать шуршащую бумажку, привязанную к верёвочке, которую Валька не выпускала из рук, как она весело смеялась, когда он, подпрыгивая, ловил лапами свою юркую добычу. Он вспомнил, как баба Фрося каждое утро наливала ему

пенное парное молоко, которое он очень любил, как дед кормил его ещё живой, трепещущей рыбой, а главное, Васька был уверен, что ласковая и верная подружка Буська его ждёт.

январь 2018 год.

КОНЁК-ГОРБУНОК

Четырёхлетняя Майя вскочила с кровати чуть свет: бабушка Оля обещала ей сегодня рассказать сказку про конька-горбунка. Быстро натянув на себя любимый светленький сарафанчик с голубыми цветочками и с воланчиками по подолу, она пошлёпала босыми ножками на кухню. Бабушка Фрося, сидя на широкой скамейке, чистила картошку. В русской печке весело плескалось пламя.

— Бабуля, ты что сегодня будешь варить? — приподняв светленькие бровки, спросила Майя.

— А-а, птишка моя ранняя, проголодалась что ли? Что ж ты хочешь?

— Блинчики! Хочу блинчики со сметаной.

— А дедушку чем будем кормить?

— Супом, кашей и блинчиками, — загибая пальчики на ручке, перечислила девочка и поспешила к дверям.

— Маечка, ты куда собралась? — спросила бабушка, увидев, что Мая уже надевает на ножки сандалики.

— К дедушке, потом к бабе Оле, потом обратно домой блинчики кушать.

Через несколько минут она уже спускалась в темноте по узкой лестнице на нижний этаж. Её маленькое сердечко сжималось от страха: бабушка не раз пугала её бабкой Лоскотухой, костлявой старухой, которая живёт в погребке и ловит детишек, и щекочет их до смерти, если они спускаются вниз через голбец, а не через сени. Нашупав двери, девочка с облегчением вздохнула и вошла в полутёмную комнату. В большом котле булькала вода. Из воды торчали колодки валенок.

— Дедушка, валенки ещё не сварились? Какие они будут?

— А ты не видишь, стрекотуха?

— Большие-большие, — поглядев на колодки, ответила внучка.

Майя любила бывать у дедушки в мастерской. Особенно ей нравилось, когда дедушка бил «стукалкой» по струнам, к которым была прикреплена сетка. Пушистая шерсть прыгала на ней, и пыль летела во все стороны. Оседала она на широкий стол, который стоял под сеткой. Внучка ждала, когда дед уберёт сетку, вытрет пыль со стола и начнёт раскладывать на нём взлохмаченную шерсть. Но сегодня у деда была другая работа. Девочка знала, что когда «сварятся валенки», он их поставит на просушку, а затем, когда они будут сухими, выбьет из них колодки. Ждать Майе было некогда, и она, немного поговорив с дедушкой, направилась к противоположной двери, которая вела на улицу.

— Деда, я сбегая к бабе Оле, — сказала она.

На улице было ещё свежо. Солнца из-за высоких деревьев не было видно, но ласточки уже летали, и из сереньких гнёзд, прикреплённых над окнами под крышей, высовывались головки птенцов с раскрытыми жёлтыми клювиками. Полюбовавшись ласточками, Майя по узкой тропинке помчалась к домику бабы Оли. Добежав до калитки, она звонко крикнула:

— Ольга Васиха! Ой! Баба Оля! Баба Оля, я пришла!

На её крик никто не вышел из дому, только огненно-рыжий петух, оставив своих таких же рыжих кур, стал приближаться к калитке.

— Кыш-кыш! Иди отсюда! — девочка махнула на него ручками и помчалась к кустам, где обычно Ольга Васиха пасла свою белую рогатую козу Белянку.

Бабушка сидела на куче веток, которые наломала своей козе на зиму, и вязала носок.

Поздоровавшись и рассказав, чем занимаются дедушка, бабушка и рыжий петух, пообещав вернуться после завтрака, чтобы послушать сказку о коньке-горбунке, Майя побежала к своему дому.

— Ну, чисто стрекоза. Беги-беги! Мы с Белянкой долго будем ещё пастись.

Майю пришлось ждать недолго. Через час она уже сидела около бабушки Оли и слушала, затаив дыхание и не сводя своих голубых глаз со старушки, сказку о волшебной лошадке.

Когда сказка закончилась, девочка засыпала рассказчицу вопросами:

— А коньки-горбунки на самом деле есть? Какие они? Кататься на них можно?

— Есть. Зовут их пони. С тебя ростом будут. Гривы у них длинные, пушистые — можно косы заплетать. Пони сильные, выносливые, на них обычно дети катаются. Горбов у них, правда, нет, но седло чем не горб.

— Ой, я хочу такую лошадку. Очень хочу! А дедушка может мне её достать? — и, не дождавшись ответа, она побежала вскачь, как коза, к дедушкиному дому. Вскоре Майя уже крутилась около дедушки и рассказывала про пони.

— Дедушка, я хочу такого пони, — закончила внучка свой рассказ просьбой.

— Так он сам к тебе прискачет — только нужно быть послушной и хорошей девочкой, — обнадежил её дед.

— А он будет всех катать: и Маню, и Зину, и Колю, и нашего Борика?

— Всех, и Бориса тоже. Вот выздоровеет он, приедет к нам в гости, вместе и покатаются.

Майя знала, что её старший брат болеет корью, поэтому её и отправили к дедушке с бабушкой.

Утром Майя взяла свою любимую берестяную корзинку и побежала на конюшню к дяде Якову. Она также рассказала ему про пони и попросила для него овса.

— Майка, у тебя же пока нет лошадки — зачем тебе овёс? — удивился Яков.

— Я буду послушной, и она прискачет, — ответила девочка.

Получив овёс, счастливая Майя не побежала, как делала это обычно, а тихо пошла, боясь рассыпать драгоценный груз, к высокой ветвистой черёмухе, под которой она ещё вчера вырыла глубокую ямку. Девочка высыпала в неё зерно, накрыла его лопухами и присыпала землёй. Не успела она полюбоваться на свой труд, как бабушка позвала её завтракать. На столе стоял большой медный самовар, на конфорке пыхтел фарфоровый белый чайничек, и по всей комнате плавал аромат свежесваренного чая. В деревянном блюде грудой лежали румяные колобки.

Из деревянного сундучка Майя достала свою любимую чашку, белую с красными горошинами, и бабушка ей молча налила из самовара чай. Майя кивнула головой и посмотрела на дедушку, который ещё не закончил читать молитвы. Внучка знала, что его нельзя перебивать, и терпеливо ждала, когда он скажет «аминь». Наконец он перекрестился и сел за стол, налил ей в блюдечко чай и подал колобок. Она немного поела и попросилась на улицу.

На улице Майя увидела бабушкиного пёстрого петуха и таких же пёстреньких курочек, которые, разгребая землю под черёмухой, что-то клевали. Она подбежала ближе и громко расплакалась.

— Кыш-кыш! Это овёс для конька-горбунка! А-а! — сквозь слёзы кричала девочка, разгоняя кур и размазывая по щекам слёзы.

Проходивший мимо Яков подошёл Майе и стал её успокаивать:

— Маечка, не плачь, не плачь, девочка! Хочешь — я прямо сейчас насыплю тебе две корзиночки овса, и мы его спрячем в ящик — никакой петух с курицами его не откроет. Договорились? Идём...

Майя вечером пожаловалась на головную боль. К ночи у неё поднялась температура, заболело горло. Бабушка забеспокоилась.

— Григорий, никак у Маечки корь. Всё же заразилась от брата. То-то целый день она ничего не ела.

— Уйди, Ефросинья, от греха подальше. Я переболел уже корью — ко мне не прилипнет, а вот болела ли ты, я не знаю.

Дедушка за ночь не раз подходил к внучке, растирал водкой ручки, лодыжки и пяточки, менял на голове повязку, обмочив её в холодной воде.

Утром Майя выглянула в окно — пони под окном не было. Опустив голову на подушку, она заплакала. Наплакавшись, она заснула. Дедушка занавесил окно красной тканью, зная, что при кори солнечные лучи вызывают резь в глазах, и стал ждать, когда проснётся внучка. Проснувшись, девочка съела три ложки бульона и попила немного чая.

С каждым днём Майе становилось всё хуже. Она перестала есть. Ей всё время казалось, что она качается на больших качелях: вверх — вниз, вверх — вниз. Голова кружилась, кружилась, перед глазами плавало что-то красное, а качели не останавливались. Когда она приходила в себя, то спрашивала сидящего рядом дедушку:

— Деда, а конёк-горбунук ещё не прискакал?

— Прискачет, обязательно прискачет, ты выздоровле-
вай, внученька...

Дедушка сидел на крыльце, когда к нему подошёл Яков со своим отцом.

— Как Майя? — спросил Яков.

— Бредит коньком-горбунком.

— Болезнь серьёзная. Надо доставать лошадку, — вмешался в разговор отец Якова Степан Андреевич. — Пошли Тимуру в Казань телеграмму. Пусть привезёт пони — там можно достать, деньгами мы поможем.

В тот же день в Казань полетела телеграмма: «Майи корь бредит пони привези Григорий».

На четвёртые сутки Майя покрылась сыпью, очень сильно похудела. Дедушка, переворачивая её с одного бока на другой, горестно шептал:

— Ничего, Маечка, ничего, внученька, были бы кости — мясо нарастёт. Бабушка, наблюдая издали, концом платка вытирала выступающие слёзы и шептала молитвы.

Приехал Тимур, привёз пони, объявив Якову, что лошадка не обьежена:

— Ты уж, Яков, объезди её, да и сбрую тебе придётся сшить самому.

— Не волнуйся, Тимур, мы с Маняшей объездим, и седло я сошью.

Помыв руки, Тимур вошёл в полутёмную комнату и подошёл к больной. Майя не спала. Она тихо лежала, обсыпанная красноватыми пятнышками, худенькая, бледненькая, с ввалившимися глазами.

— Дядечка Тимур приехал, — прошептала она запёкшимися губами.

— Здравствуй, Маечка, приехал. Ты здесь лежишь и не знаешь, кто к тебе прискакал и под окном стоит.

— Конёк-горбунок? Да?

— Тимур, не подходи близко — заразишься, — предупредила племянника бабушка.

— Не беспокойся, Ефросинья Никитична, я привитый. Лучше накорми нас с Маечкой, чтобы мы смогли посмотреть на пони.

Майя проглотила несколько ложек бульона, потом замотала головой. Тимур уговорил девочку выпить лекарство, которое он привёз с собой. К вечеру температура была не такой уж высокой — ртутный столбик поднялся лишь до 39 градусов. Тимур опять попытался накормить девочку, снова напоил лекарством, а потом, взяв на руки, стал носить по комнате и петь тихо песенку на незнакомом Майке языке.

Утром не успела Майя ещё отойти ото сна, как Тимур подхватил её и поднёс к окну, и она увидела конька-гор-

бунка. Был он белый, как коза бабы Оли. У неё была пушистая длинная золотистая грива и длинный рыжеватый хвост.

Майка зажмурила глаза, а потом, распахнув их широко, прошептала:

— Дядя Тимур, какой он красивый! Он мой?

— Твой, твой, а зовут его Анис, что в переводе на русский — близкий друг.

Через несколько дней он вынес Майю на улицу. Яков держал пони за уздечку, поодаль стояла его десятилетняя дочка Маня. На её лбу красовался пожелтевший синяк.

— Мы с Марией смогли твою лошадку, Маечка, поставить под седло. Хочешь посмотреть, как она скачет. Мария, покажи.

Маню не надо было уговаривать. Девочка ловко вскочила в седло и поскакала. Майе тоже хотелось покататься, но дядя Яков сказал, что лошадка больных детей не катает, что Маечке нужно выздороветь и окрепнуть.

На следующий день Тимур уехал, пообещав Майе осенью привезти большой арбуз. Тосковать девочке было некогда. Она быстро пошла на поправку и через несколько дней уже

каталась с детьми по очереди на пони. Полюбоваться на выздоровевшую Майю пришла и бабушка Оля.

— Хорошенькая у тебя, Маечка, лошадка, ну чем не конёк-горбунок, — говорила она, глядя девочку по льняным волосам. Майя звонко смеялась, распахнув свои голубые глаза навстречу ласке.

декабрь 2021 год.

МБУК "Сыктывдинская ЦБС"

БАБУШКИНЫ ИСТОРИИ

Душа ребёнка — чистая слеза,
В ней и тепло, и свет, и откровение,
И искренность, доверчивость в глазах,
И ожидание доброго общения!

Кристина Нескромнова.

КУДА ПОДЕВАЛИСЬ ЧЕРТИ

— Ко-о-ольчик! Коль-чи-ик! — донеслось до ушей бабы Фроси и детишек, сидящих на ступеньках крыльца. Все, как один, повернули головы в ту сторону, откуда раздавался крик. Четырёхлетний рыжеволосый и конопатый карапуз исподлобья посмотрел на бабу Фросю, уже немолодую, опрятно одетую женщину, в пёстреньком платочке.

— Беги уж, беги, пострелёнок, встречай свою бабушку, а не то всех переполошит, — сказала та, спрятав выбившуюся седую прядку волос под платок.

Мальчуган, подтянув штанишки, вприпрыжку побежал навстречу невысокой стройной старушке. Вскоре Коля и его бабушка подошли к крыльцу. Отдышавшись, Парасковья (так звали Колину бабушку) со всеми поздоровалась и усе-лась на нижнюю ступеньку, притянув к себе внука.

— Ефросинья Никитична, у вас здесь что мёдом намазано? Не успеет внучок покушать, как убегает из дому? — спросила Парасковья.

— Мёдом не мёдом, но у нас здесь весело. Посмотри, сколько детворы-то собралось. О чём, ребятки, вы хотели бы сегодня услышать?

— Страшилку! Страшилку! — вразнобой закричали дети.

— Может вам о Сидор-Гоппе рассказать? Парасковья, ты, наверно, помнишь ту историю, которая произошла недавно, лет пятнадцать тому назад, с Иваном Гурьяновичем?

— Кто её не помнит? Рассказывай. Если что, и я добавлю.

— Где у нас Сидор-Гоп-то, все знают. Никто к этому озеру не ходит: бояться, — начала своё повествование баба Фрося.

— Папка рассказывал, что в нём бык утонул, и его не смогли достать, — перебил рассказчицу девятилетний Колька. А его младший братишка Лёнька добавил:

— Оно глубокое-глубокое. Длинную верёвку с грузом в него опускали, а до дна не достали, и вода в нём чёрная-пречёрная. Ничего в нём не видеть.

— Давеча мамка мне сказала, чтоб я к Сидор-Гопу ни ногой: черти могут на дно утащить, как когда-то Яшку, который купался в нём, утащили, — подал голос самый старший из детей — десятилетний Василий.

Про чертей-то я и хочу рассказать, — продолжила баба Фрося.

— Ой! — пискнули однолетки Танька и Тайка.

— Парасковья, ты помнишь свадьбу Нюры и Степана, на которую мы в Берёзовку ходили? Весёлая свадьба была! Целый день гуляли, под вечер домой пошли. Скотину надо было кормить, а то ещё бы остались. Идём мы мимо Сидор-Гопа, а Иван Гурьянович, гармонист-то наш, и говорит, что ему надо в лесок по нужде зайти «Ну, надо так, надо, — говорим, — не задерживайся. Догонишь нас».

Под утро жена его прибежала, спрашивает, где её муж. Мы удивились: «Так что, домой он ещё не приходил? Вчера вечером он у озера в лесок на минутку зашёл, не хотел задерживаться». Как услышала она про Сидор-Гоп, сорвалась с места, слышим, мужиков созывает, ревёт как белуга.

Собралось мужиков шесть, направились все к озеру. Где-то через час они вернулись. Среди них был и Иван Гурьянович. Вгляделись мы в него да так и ахнули: уж очень за ночь-то он изменился: похудел, осунулся. Не старый был, а в волосах седина за ночь пробилась. Гармонь в руках держит, а меха порваны. Глаза красные, провалились, страх в них затаился. Молча идёт, ноги еле волочит.

Всем любопытно: хочется знать, что же с ним такое произошло. Но Дмитрий Васька громко прошептал: «Расходитесь — на работу пора. Пусть мужик в себя придёт, выпитися, в обед соберёмся, узнаем».

Время обеда ещё не подошло, а мужики и бабы, и детишки уже толпились у крыльца Ивана Гурьяновича. Вышел он на крыльцо. Видим: рубашку сменил, волосы расчесал, умылся. Похорошел.

Тут-то все и узнали, что с ним около Сидор-Гопа приключилось. Зашёл он в лес. Пить захотелось ему. Так захотелось, что он напрямик направился к озеру. Тревожно стало как-то на душе у него; оглянулся, а кругом ели да сосны высоченные, внизу папоротники по пояс. Ветер вдруг поднялся, по верхушкам прошёлся. Закачались ветки, зашумели. Резко потемнело. Страшно стало. Подумал: где же озеро? Посмотрел на время: пятнадцать минут шёл, а до воды ещё не дошёл. Двинулся дальше. Через полчаса лес стал редеть, а потом вовсе расступился, и увидел он Сидор-Гоп во всём его величии. Озеро было похоже на огромную чашу, наполненную чёрной до жути водой. Ветер поднял небольшую рябь, и иссиня-чёрные волны стали набегать на пологий берег. Подошёл поближе и зачерпнул ладонью воду. В озере она была чёрная, а в ладони прозрачная, чистая, холодная и вкусная. Напился вдоволь и почувствовал, что в сон клонит.

Лёг Иван Гурьянович тут же, где стоял, и уснул мертвецким сном. Проснулся от какого-то внутреннего страха. От-

крыл глаза: тьма-тьмушая. Посмотрел на воду, а она как будто изнутри горит. Тут волны поднялись, и увидел он: из воды стали выходить на берег тёмные фигуры. Присмотрелся, стал различать, что одни были рогатые, другие безрогие. Догадался Иван, что это черти. Среди них толкались с маленькими рожками чертенята. Вдруг из толпы отделился один из чертей, страшный, старый, облезлый; рога на его большой голове загибались внутрь, и от одного рога к другому пробегали искры, освещая его лицо. Это на самом деле было лицо, а не морда. Поражали его небольшие тёмные глаза, в которых тоже плескалось пламя. Чёрт открыл свой плоскогубый рот и о чём-то заговорил. Вслушавшись, он понял, что у них сегодня свадьба и что они просят его повеселить жениха с невестой и весь водяной народ игрой на гармошке. «Веселил ты, Иван Гурьянович, людей на человеческой свадьбе, повесели и нас, чертей, на нашей свадьбе», — растянув рот в улыбке, произнёс старый чёрт и хлопнул гармониста по плечу. Вся нечисть тут зашумела, обступила Ивана Гурьяновича со всех сторон, захлопала в мохнатые ладоши.

Остолбенение прошло, очнулся Иван. Ему ничего не оставалось, как только растянуть меха и заиграть. Он играл так, как никогда в жизни не играл. Музыка вместе с его душой взлетала ввысь, там рассыпалась разноцветным огнём и, набрав какую-то неземную силу, обрушивалась на весёлых пляшущих чертей, на искрящуюся воду озера, которая тоже подпрыгивала, дрожала, выталкивая из воды синеватый огонь.

Играл гармонист до тех пор, пока не порвались меха. Тогда только он заметил, что небо на востоке стало розоветь и чертей на берегу поубавилось.

Подошёл к нему старый чёрт, поблагодарил и всыпал в ладонь золотые червонцы, сказав, что ему этих денег хватит и на гармонь, и на новую избу, и на безбедное житьё до конца жизни. Затем, махнув рукой, зашёл в воду. Остальные его собраты бросились за ним. Тут, как будто

спохватившись, Иван Гурьянович начал читать «Отче наш».

Солнце поднималось всё выше и выше. Птицы запели. Посмотрел он на озеро. Оно было красивым, чёрным, глубоким, глянцево-блестящим под солнечными лучами. Незыяснимая тоска вдруг охватила его душу, показалось ему, что эта завораживающая глубина манит, зовёт его к себе. От наваждения его отвёл крик мужиков. Придя в себя, гармонист взял в руки то, что осталось от его инструмента, и пошёл им навстречу...

Тут Иван Гурьянович прервал свой рассказ, посмотрел на людей и стал шарить по карманам. Толпа придвинулась ближе к крыльцу, приткие мальчишки оказались возле рассказчика, и вскоре мальчишеский голос возвестил: «Деньги! Много денег!» Иван Гурьянович произнёс: «Я, было, подумал, что это всё мне приснилось, если бы не эти золотые червонцы». И он пересыпал из одной ладони в другую монеты, блеск которых в душах людей заронил противоречивые чувства: одни порадовались, другие позавидовали, третьи подумали, куда же Иван употребит своё богатство...

Баба Фрося замолчала, пытливо поглядывая на детвору. Первым не выдержал Василий. Он шёпотом спросил: «А что потом было? На что он деньги расходовал?» Дети стали просить бабу Фросю, чтоб она рассказывала дальше.

— А дальше вам расскажет Парасковья Андреевна. Параскева, ты ж родней приходилась Ивану Гурьяновичу. Вот и расскажи нам, как он распорядился подарком чертей, — обратилась она к своей подруге.

— Гармонь себе он знатную купил. Вон Кольчик играть на ней учится. Дом на пригорке поставил, просторный, красивый, с резными наличниками. Каждый день, небось, мимо проходите, а на красоту его внимания не обращаете. На остальные деньги церковь поставил, вон ту, небольшую да ладную. Но чертям она, видать, очень не приглянулась, потому что они, черти-то эти, и забрали к себе Ивана Гурьяновича.

Пошёл он к Сидор-Гопу за груздями и не вернулся. Утащили они бедного Ивана к себе на дно. Я это к тому сказала, детишки, чтоб вы близко к Сидор-Гопу не подходили, — сказала Парасковья, взяла своего внука за ручку, со всеми попрощалась и направилась к своему дому, который гордо стоял на пригорке под тесовой крышей, белея своими резными наличниками. Все дети посмотрели ей вслед. Бабушка Фрося, посмотрев на удаляющиеся фигуры, сказала: «На все руки мастером был Иван-то Гурьянович — никто так, как он, на гармошке не играл. Разве только Щука Павел да его дочь Надежда. Может, Николай так же будет играть. Поживём — увидим. И дом его самый красивый в наших краях».

С этими словами она встала, позвала своих внучат на обед и ушла. Дети нехотя тоже стали расходиться.

Прошло около пятидесяти лет. Мы, внуки бабы Фроси, посетив Мутницкое кладбище, где были похоронены наши предки, в том числе и наша бабушка Ефросинья Никитична, решили посетить родные места. Подъезжая к Архиповке, свернули к Сидор-Гопу. Мы не узнавали местность, знакомую нам с детства. Лесной массив, окружающий Сидор-Гоп, исчез: вековые деревья вырубili, расширив сельскохозяйственные угодья. Мы вышли из машины и направились к озеру. Высокие деревья встречали нас молчаливо, настороженно. Земля под ногами резко понижалась. Создавалось впечатление, что мы спускаемся в какую-то воронку. Где же озеро? И тут мы увидели большую лужу. Уставившись на неё, мы недоумённо переглянулись: и это всё, что осталось от знаменитого Сидор-Гопа?

Вдруг на поверхности тёмной воды появился большой пузырь и внезапно с большим шумом лопнул. Нас охватил суеверный страх, и мы, быстро развернувшись, поспешили к машине. Только очутившись внутри салона, мы стали приходить в себя. Разочарование, нет, скорее недоумение, долго не покидало нас.

Проезжая по улице села, мы решили узнать, есть ли дорога до Стаханова, у мужчины, возившегося около своей машины. У него к нам тоже возникли вопросы. Вглядевшись в его лицо, в его рыжие волосы, я непроизвольно вскрикнула:

— Кольчик!

— Кто это назвал Николая Максимовича Кольчиком? А ну, выходи из машины! — воскликнул, улыбаясь и похлопывая, он.

Моя догадка подтвердилась: это был, на самом деле, Кольчик, внук бабушки Парасковьи Андреевны. От него самого мы узнали, что он чертовски хорошо играет на гармошке, не хуже своего покойного родственника Ивана Гурьяновича. «А Сидор-Гоп?» — спросите вы. Всё очень просто. Вековые деревья спилили, пни выкорчевали, произвели мелиорацию. Озеро и пересохло. «Куда подевались черти?» — можете поинтересоваться вы. Вот этот вопрос посложнее. Наверное, ответить я на него не смогу.

ноябрь 2021 год.

ИСТОРИЯ О ЛЕСНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

В конце пятидесятых годов 20-го века во многих деревнях электрических утюгов и стиральных машин не было, не было и электроплиток. Готовили еду женщины рано утром. К обеду она остывала. Топить печки в домах днём в целях пожарной безопасности запрещалось. Зато готовить и подогревать еду можно было на печках, которые стояли на улице и рассчитаны были на несколько семей.

Ближе к обеду около каждой печки, как вода в чайнике, закипала жизнь. Старухи, девчонки жарили, парили или просто подогревали еду, поджидая своих родных. Наскоро поев за крепко сколоченным длинным столом, отцы и матери вновь уходили на работу. Помыв посуду, бабушки, усевшись на широкие скамейки, стоящие у стола, начинали пе-

ребирать деревенские новости. Внукам было скучно, и они начинали просить бабушек рассказать о чём-нибудь.

— Вы бабушку Фросю попросите. Она о многом может рассказать. Ефросинья Никитична, давеча ты говорила, что в лесу, кроме зверей, живут лесные люди. Расскажи нам о них.

— Слышала я эту историю давно, после войны. Рассказали её сибирские родственники, приехавшие к нам в гости, — так начала бабушка Фрося своё повествование. А затем продолжила:

— В Сибирь в поисках полезных ископаемых приехала партия геологов. Перед ними стояла нетронутая и неизведанная зелёная тайга. Что хранилось в её недрах? Это и нужно было узнать российским геологам.

Лагерь разбили на берегу небольшой шумной речки. С утра геологи уходили в лес. В лагере оставалась молодая красивая повариха Ульяна, недавно вышедшая замуж за одного из геологов. Вечером она кормила голодных мужчин вкусным ужином и рассказывала, как провела день.

Однажды Ульяна заявила, что за ней кто-то наблюдает из-за кустов и что она стала бояться. «Это кто же? Медведь,

рысь, волк, а может, хозяин тайги — тигр?» — беспокоились геологи. Они решили оставлять в лагере каждый день кого-то из мужчин. Как-то днём, разведя костёр, повариха стала готовить еду. Мясо никак не разваривалось, и она попросила геолога принести из леса сухой валежник. «Не уходи далеко!» — крикнула Ульяна мужчине. Как только он отошёл, на неё нашёл непреодолимый страх. Она стала оглядываться и заметила: ближние кусты шевелятся. Вглядевшись, она увидела, что в них прячется лохматое чудовище с горящими глазами. Испуганная женщина хотела бежать, но ноги как будто приросли к земле. Кричать она тоже не могла, потому что язык онемел.

Чудовище, сделав один прыжок, очутилось возле молодой женщины, схватило её в охапку и исчезло в лесу. Очнувшись пленница в темноте. Огляделась: где-то впереди над тёмными силуэтами деревьев светила одинокая звёздочка. Ульяна поползла к ней. Её остановил неприятный гортанный возглас. Она застыла от ужаса. Немного успокоившись, посмотрела туда, откуда раздался возглас, и увидела два горящих глаза. Она зажмурилась и оцепенела.

Пришла в себя Ульяна уже днём. Солнечный свет, проникший через лаз, помог ей разглядеть, куда она попала. Одной стеной странного убежища служило огромное корневище поваленного дерева, две стены были каменными, а лаз, по-видимому, проделан был в зарослях густого кустарника. Крышей служили большие лапы хвойных деревьев. В помещении было свежо и пахло хвоей.

Вдруг Ульяна услышала приближающие лёгкие шаги. Она сжалась от страха, зная, кого сейчас увидит. Да, через отверстие влез он, лесной человек. Ульяна смогла при дневном свете рассмотреть его. Был он большой, мускулистый, весь обросший жёсткими рыжеватыми волосами. В выражении его диких красноватых глаз проглядывались любопытство и доброта. В её голове промелькнула мысль: «Он не желает мне зла...» И на самом деле, лесной человек положил

к ногам женщины ягоды и мёд. Ульяна была голодна, но к еде не притронулась. Тогда похититель покачал головой и вылез из логова. Через некоторое время он принёс выпотрошенную рыбу и кусок свежего мяса и положил перед своей пленницей...

А тем временем геологи, узнав об исчезновении Ульяны, бросились на её поиски. В течение месяца они прочёсывали лес, но никаких следов не обнаружили. Горе мужа было неутешным: он никак не мог смириться с исчезновением своей любимой жены и по вечерам уходил в тайгу.

Полезные ископаемые геологи нашли, и к месту их залежей вскоре стали пробивать просеку, вертолётами начали доставлять нужное оборудование.

Появились несколько бараков. Через несколько лет здесь должен был вырасти целый посёлок...

Однажды пилот вертолёта заметил бегущую по просеке женщину. Ему удалось разглядеть в её руках ребёнка, обёрнутого в шкуру. «Откуда в глухой тайге женщина с малышом?» — недоумённо подумал он и вдруг увидел выскочившего из-за деревьев огромного лохматого человека, который большими прыжками погнался за женщиной. Экипажу внезапно пришло решение: пилот снизил машину, а помощник спустил беглянке лестницу и помог ей подняться в салон. Лесной человек понял, что ему не догнать её, издал громкий душераздирающий вопль и рухнул на землю.

Экипаж доставил женщину с ребёнком в ближайшую больницу. Там выяснили, что это была Ульяна. Она и её ребёнок были сильно истощены, и им требовалось лечение.

Через некоторое время к Ульяне приехал муж. Она ему рассказала, что с ней произошло, а затем, кивнув в сторону кровати, прошептала: «Там мой сын».

Муж подошёл к кровати и внимательно стал разглядывать малыша. Это был рыжеволосый мальчик, на вид ему было около четырёх лет. Черты лица мать передала

ему свои, но глаза, по всей видимости, он перенял у отца: они были большими, тёмными. Взгляд ребёнка заволаговывал.

Жена с большим волнением наблюдала за их встречами. Её была нервная дрожь, так как она любила своё дитя и ни за что на свете не рассталась бы с ним.

— Ты кто? — вдруг гортанным голосом спросил ребёнок и диковато посмотрел на мужчину.

Застигнутый врасплох, тот помолчал, а потом, улыбнувшись, ответил:

— Я твой папа, сынок...

Прошло семнадцать лет. В столовую нового посёлка ввалилась группа молодых рабочих. Один из них был выше и крупнее всех. Бесшумно подойдя к стойке, разделяющей кухню от зала, он, широко улыбнувшись ещё не старой женщине, тихо произнёс:

— Привет, мама. Отец подойдёт попозже.

Мать заглянула в его красивые диковатые глаза и нежно спросила:

— Что будешь есть, сынок? — на этих словах бабушка Фрося закончила своё повествование.

Со всех сторон посыпались вопросы:

— А его в школе обижали?

— Как он учился?

— Как его звали?

— А он женился?

Баба Фрося, улыбаясь, ответила:

— Нет, его не обижали: он мог дать отпор любому. Как посмотрит своими глазами, у всех желание его обидеть пропадало. Учился он, я думаю, неплохо. А звали его Егором. Женился он на любимой девушке. И скажу я вам по секрету, что у него родился сын, очень похожий на дедушку, на того, кто в лесу остался.

Охая и ахая, бабушки со своими внуками вскоре разошлись по своим домам.

Прошло шестьдесят лет. Бабушки Фроси давно уже нет в живых, а её рассказ почему-то не забывался, и когда вновь заговорили о лесных людях (йети), мне захотелось пересказать услышанную от бабы Фроси историю и поведать о том, что тема о йети не новая: о них ходили легенды уже с давних пор. А самое главное, по-моему, в том, что общественные печки не только кормили людей, но и объединяли всех: и бабушек, и дедушек, и родителей, и детей.

ноябрь 2021 год.

АЛЁШКИНО СЧАСТЬЕ (СКАЗКА)

— Деда! Деда! — кричал шестилетний Толик с улицы. Из его глаз катились крупные слёзы и тут же замерзали на морозе. Дедушка, услышав крик внука, накинул шубу и вышел на крыльцо. Он увидел замерзающего мальчика и вместе с лыжами затащил его в избу. Бабушка ждала их около порога. Они раздели и разули внука, лыжи сняли вместе с валенками. Бабушка ворчала:

— Ух, непутёвый. Разве можно кататься с горки до тех пор, пока не замёрзнешь? Марш на печку — отогревайся.

Через некоторое время она уже поила внука горячим чаем, а на полати влезали две младшие сестрёнки Толика и их подружки.

— Бабушка, расскажи нам сказочку, — стали просить девочки.

Бабушка знала, что они от неё не отстанут. Она посмотрела ласково на притихших детишек и начала рассказывать:

— Давным-давно, ещё в стародавние времена, в приуральском селе жила семья Кассина Григория Андреевича. Была она большой и дружной. Дед любил своих детей, а из внуков выделял пятилетнего Алёшку, который отличался пытливым умом, любознательностью и смекалкой. Относился он к нему очень строго, так как хотел, чтоб

из него вырос настоящий мужчина, смелый, сильный, мужественный. Часто дед подводил Алексея к стене, на которой висели большой лук и кожаный колчан с тремя оперёнными стрелами.

— Смотри, Алёшка, какое красивое оружие. Мой дед владел им. Знатный был охотник. Вырастешь — оно к тебе перейдёт. Сейчас больше стреляют из охотничьего ружья, но лук не хуже, а также это память о наших дедах, о нашем роде.

Алёшке нравился лук. Когда никого не было в избе, он залезал на широкую скамейку и гладил разноцветные пёрышки, одно из которых было чёрным, другое — красным, третье — белым, и мечтал, как он вырастет большим, натянет тетиву и выпустит стрелы с разными пёрышками в какую-нибудь цель. Дед не раз заставлял его за рассматриванием лука и, сдвинув брови, сердито говорил:

— Ты ещё маленький. Не трогай — накажу.

Алексей дедушку побаивался. Страх ему мешал с ним сблизиться. Часто ему хотелось подойти к деду, но он останавливался и лишь издали наблюдал за ним. Ему нравилось, как ловко он запрягал лошадь, как пахал, как косил сено и как, закинув за плечо ружьё, уходил на охоту.

Однажды Григорий Андреевич, придя из лесу, подозвал брата Степана и двух своих сыновей. Разговаривали они недолго и вскоре уехали в тайгу. Через несколько часов Алексей увидел, как во двор въехала телега. В ней лежал связанный толстыми верёвками страшный, весь покрытый густыми волосами человек. Алёшка подошёл поближе и заметил, что тот исподлобья смотрит на него. Мальчик испугался, вскрикнул и убежал.

Лесного человека посадили в грубо сколоченную крепкую клетку, на дверь повесили тяжёлый большой замок.

Алексей, проснувшись, выбежал на улицу и подошёл к клетке, в которой, сгорбившись, сидел пленник. Мальчишке жалко стало его. Он выпросил у бабушки колобок и бро-

сил его лесному человеку, которого почему-то стал называть Яшкой. На другой день Алёша опять стал у бабушки просить хлеб. Бабушка дала ему полкаравая и сказала, чтоб он держался подальше от клетки. На сей раз взгляд лесного человека потеплел, и он, жуя ещё тёплый хлебушек, что-то забормотал. Алексей понял, что Яшка его благодарит. На третий день бабушка сама предложила внуку покормить пленника.

Прошло три года. За это время мальчишка подружился с Яшкой. Он смело подходил к клетке, и между ними завязывался разговор. Они понимали друг друга, хотя общались на разных языках. Часто Яшка просил Алексея выпустить его из клетки, но мальчик говорил, что он боится деда, который может его наказать.

Однажды Алексей оказался один в доме. Он снял со стены лук и взял стрелу с красным оперением. Тут вошёл отец. Он отругал сына и запретил подходить к стене. Во второй раз лук и стрелу с чёрным пером у него отобрал дед. Он высек внука розгами и сказал:

— Придёт время — лук будет твой. Сам я тебе его отдам.

В третий раз Алёшке удалось вынести лук во двор. Он натянул тетиву и выпустил стрелу с белым пером. Стрела попала в клетку. Её поднял лесной человек.

— Отдай стрелу! — крикнул Алёшка.

— Выпусти меня из клетки — отдам, — ответил Яшка.

Алексей умолял Яшку вернуть ему стрелу, но пленник настаивал на своём.

Мальчик с ужасом представил, как на него разозлится за непослушание дед, как он опять будет его сечь розгами у всех на виду. Гордый мальчишка не хотел, чтоб его наказывали. Он вбежал в дом, снял с гвоздя большой ключ и открыл клетку.

Яшка вернул стрелу и большими шагами направился к лесу. Алексей схватил лук и побежал за ним.

— Стой! Не оставляй меня! — кричал мальчик. Слёзы бежали по его щекам, но он не вытирал их, боясь выронить лук и стрелу.

Лесной человек вернулся, посадил Алёшку на плечи и продолжил путь. Уже ночью он затащил мальчика в пещеру, которая оказалась его жилищем. Утром Алексей увидел, что он спал на охапке мха, одеялом ему служила медвежья шкура.

У Алёшки началась новая жизнь, к которой он привыкал долго. Яшка научил его добывать еду, гипнотизировать в минуты опасности крупных хищников, таких, как медведь, кабан, рысь и волк, лазить по деревьям.

Приближалась осень. Похолодало. Алёшка, оглядев пещеру, сказал:

— Яшка, нам нужен дом. Достань инструменты: лопату, топор и пилу.

К утру инструменты уже лежали у входа, и они стали строить человеческое жилище. Через месяц недалеко от пещеры уже стоял небольшой домик. В нём была даже железная печка, которую Яшка притащил из деревни.

Прошло ещё около десяти лет. Алексей возмужал — из мальчишки вырос в красивого сильного парня. За это время Яшка женился. У него с женой, такой же лохматой, как и он, уже было трое детишек. Семья жила в новом большом доме. Алексей предложил его поставить после того, как узнал, что у Яшки появилась подружка. Это был второй дом, который строил Алексей. У него появились сноровка, умение, сила — и дом получился лучше прежнего.

Однажды к Алексею подошёл Яшка с женой и сказал:

— Алексей, тебе надо к людям. Хватит жить в лесу. Нужно будем — позовёшь.

Они проводили Алексея до опушки леса. Недалеко виднелась большая деревня. Прощание было недолгим, и к вечеру парень подошёл к первым домам. Он лёг под развесистую берёзу и крепко заснул. Проснулся Алёшка

от заливистого смеха. Он открыл глаза и приподнялся. Его издалека рассматривали три девушки. Две из них, испугавшись, бросились бежать, а третья, которую звали Настенька, подошла поближе и, выпрямив свой тонкий стан, с вызовом спросила:

— Кто ты такой, добрый молодец? Почему ты только в набедренной повязке из медвежьей шкуры?

Она смотрела в голубые глаза незнакомца и любовалась им. Ей с первого взгляда понравился парень, и она почувствовала своим девичьим сердечком, что он не причинит ей вреда.

Алексей не успел ответить, так как к ним подбежали люди. Среди них был и отец Настеньки.

— Кто таков? — грозно спросил он.

— Вы меня, добрый человек, сначала накормите, напоите, а потом уж расспрашивайте.

Отец Насти пригласил Алексея в гости и выслушал его рассказ. Через некоторое время, догадавшись, что дети влюбились друг в друга, он сказал:

— Ты мне по нраву. Если за три дня поднимешь дом, то выдам за тебя Настеньку.

— За три дня не подниму, а через три недели изба будет стоять. Укажи место, дай в помощники трёх молодцев и инструменты хорошие.

— Вижу, что ты не любишь бросать слова на ветер, да и хватка у тебя есть. Покажи на деле, на что ты способен.

И работа закипела. С утра пораньше строители ездили в лес за брёвнами, которые волшебным образом появлялись на делянке. Молодцам было невдомёк, что Алексей попросил помощи у лесного человека.

Через неделю уже стоял сруб, а через две изба уже стояла под крышей. Через три недели Алексей пригласил Настеньку и её отца в дом. Все поднялись по высокому крыльцу, вошли в светлые сени и переступили порог. Настя с отцом ахнули: перед ними красовалась русская печь, обложенная

красивыми изразцами, вдоль стен стояли широкие лавки, отливающие мёдом, ножки стола были резными. На самом видном месте на стене висели лук и колчан со стрелами. Стрелы Алексей сделал сам, кроме одной — стрелы с белым пером, которую он хранил как зеницу ока. Лук и эта стрела связывали его с дедом и с родителями, которых он продолжал помнить и любить.

Всё, что видели Настенька и её отец, радовало взор и согревало душу.

— Вот спасибо — угодил, — похлопывая по плечу, говорил Алексею будущий тесть.

— Спасибо и Вам на добром слове. Спасибо и моим помощникам, славным умельцам-строителям, — отвечал Алексей.

Свадьба была весёлой и шумной. Среди гостей Алексей увидел отца с матерью. Он бросился к ним в ноги и стал просить прощения, а потом подвёл родителей к стене, на которой висело оружие из дедушкиного дома. Отец, обняв сына, сообщил:

— Алексей, твоего деда Григория Андреевича уже нет в живых, а лук и стрелы по праву принадлежат тебе. Ты их

должен будешь передать своему внуку. Дед всегда мечтал об этом.

После разговора с отцом Алексей выбежал на улицу и в темноте под развесистой берёзой увидел Яшку. Он подбежал к нему. Рукопожатие их было по-мужски крепким. Алёшке хотелось о многом рассказать Яшке, но тот толкнул его к дому и, засмеявшись, прошептал:

— Беги, беги, друг Алёшка, к своему счастью.

Три дня и три ночи играли свадьбу. Самыми красивыми и счастливыми на свадьбе были Алексей и Настенька. Я ими любовалась, мёд, пиво пила, частушки пела, со всеми плясала, вам сказку эту рассказала.

март 2018 год.

МБУК "Сыктывдинская ЦБС"

МБУК "Сыктывдинская ЦБС"

Таисия Сукгоева

Возвращение на круги своя
Рассказы

Редактор Надежда Владимировна Шишмакова
Корректор Татьяна Васильевна Остапова

МБУК "Сыктывдинская ЦБС"

События, описанные в рассказах, относятся к 50—60 годам XX века. Почти все произведения объединены одной темой — темой взаимоотношения взрослых и детей. Исключение составляет рассказ «Васька», в котором повествуется о судьбе кота, о его отношении к людям и к своим братьям.

Героиней некоторых рассказов является бабушка Фрося. Её жизнь неразрывно связана с внуками и с соседскими детьми, которым она отдаёт тепло и ласку своей души.

Все рассказы, вошедшие в сборник, являются произведениями, в которых художественный вымысел переплетается с реальностью. Любые совпадения случайны.